

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ РУССКИХ ВИДОВ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Переводная литература принесла на Русь несколько видов литературных произведений. Часть этих видов оказалась очень устойчивой на русской почве. Немало самостоятельных русских произведений писалось по их типу, только иногда видоизменяя их характер.

Чем же объясняется устойчивость этих видов на русской почве? Устойчивыми были прежде всего те виды литературных произведений, которые были тесно связаны с относительно малоизменяющимся церковным обиходом: различные типы житий, проповеди и пр. Требования культа предписывали создание новых житий русских святых только определенного типа. Поэтому-то и появлялись жития проложные и минейные, описания чудес от мощей этих новых святых, похвалы им и различного рода церковные песнопения. Церковный же обиход требовал создания новых проповедей — торжественных или учительных — в тех формах, какие требовались культом.

Однако светская литература на Руси не была связана коснными формами церковных или каких-либо иных перенесенных из Византии обычаяев. Вот почему светская литература на Руси, тесно примыкавшая к русской действительности, оказалась вполне самостоятельной не только по содержанию, но и по своей форме.

Отдельные виды светской литературы складывались под влиянием требований русской жизни, меняясь вместе с русской жизнью, впитывали в себя элементы реалистичности значительно быстрее, чем церковные виды.

Наиболее значительный вид светской литературы древней Руси — летописание.

*

Развитие летописания связано с двумя различными патристическими потребностями, смешивать которые отнюдь не следует:

с одной стороны, с потребностью уяснить себе прошлое, уяснить себе происхождение различных явлений, а с другой — потребностью фиксировать настоящее, предохранить его от исчезновения в памяти потомства.

В летописях различных областей эти потребности сказывались далеко не равномерно. В Киеве по преимуществу была представлена первая. Летопись там возникает из исторических произведений о прошлом, которые дополняются записями о настоящем. Своевременное записывание событий настоящего, в основном, в Киеве начинает вестись позднее. Прошлое интересует русских уже несомненно при Владимире I Святославиче, но попыток фиксировать события настоящего при Владимире не было — разве что они были при Ярополке.¹ Иное дело в Новгороде. Попытки систематически обозреть прошлое Руси исчерпывались там в первое время обращением к соответствующим произведениям киевской исторической литературы — к «Повести временных лет» и предшествующему ей Начальному своду и некоторым другим летописям. Зато в Новгороде уже в XI в. своевременно записывались события с указанием точных дат. Эти записи ведутся как своего рода деловые документы: кратко, деловито, систематично.

Замечательно, что оба отношения к родной истории, — возникшее на основе стремления заглянуть в собственное прошлое как можно глубже и возникшее из стремления фиксировать настоящее — потребовали для своего осуществления различных литературных манер. Потребность в обзоре своей истории удовлетворялась сравнительно сложной литературной работой, заключавшей в себе значительные элементы художественности. Потребность же в записи фактов настоящего удовлетворялась более простыми средствами и записи эти стояли на грани письменности чисто деловой.

По существу, различие между киевским летописанием и новгородским, в основном, заключалось в том, что киевское летописание было в большей мере рассказом о прошлом, а новгородское — документом, фиксировавшим настоящее для будущего.

С течением времени записи событий настоящего становились документами прошлого. Поэтому киевское летописание, которое было по преимуществу рассказом о прошлом, легко воспринимало в свой состав отдельные записи, а новгородское летописание,

¹ См. предположения М. Н. Тихомирова: Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». Советская этнография, VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 63 и сл.

которое преимущественно ставило себе задачу документально фиксировать настояще для будущего, с течением времени становилось записями прошлого и включало в свой текст цельные литературно обработанные рассказы о прошлом. Различие двух типов исторических сочинений постепенно стиралось, хотя продолжало давать себя чувствовать и в XII и в XIII вв.

Итак, летописание возникло независимо друг от друга по крайней мере в двух центрах Руси: летописание в Киеве родилось из сложных повествований о прошлом, к которым присоединились летописные записи. Летописание же в Новгороде возникло из постепенно накапливавшихся летописных записей, во главе которых было затем поставлено стройное повествование о начале Русской земли, перенесенное из Киева в Новгород.

Почему же произошло такое различие? Ответ на этот вопрос лежит в особенностях русской действительности в каждом из этих центров.

В X—XI вв. Киев был центром Русского государства. Интерес к русской истории возник в русском обществе очень давно: это видно из наличия древних устных исторических преданий отдельных племен, впоследствии занесенных в летопись. Однако история эта в отдельных преданиях не представляла собой единства. Предания фиксировали отдельные события, не связывая их в единое повествовательное целое, не давая представления об историческом развитии Руси в целом.

Построение единой Русской истории стало возможным только с образованием относительно единого же древнерусского государства. Только наличие реального, государственного единства русской действительности сделало возможным рассматривать эту русскую действительность как некое единство, имеющее общие корни в прошлом.

Вместе с тем, обстоятельства благоприятствовали возникновению первых исторических произведений о всей Руси в целом именно в Киеве. Киев со времен Олега осознавался столицей — «матерью городов Русских». Здесь был ее религиозный (сперва языческий, а затем христианский) центр. В Киеве находился правительственный центр Руси с князем во главе. Киев представлял Русь: сюда приезжали греки для утверждения договоров (в 911 г., в 944 г.). Обилие разнохарактерного русского населения, в котором были представители различных местностей, — все это заставляло осознавать Киев центром Руси.

Естественно, что именно в Киеве и в Киевской области, где и самое общественное развитие шло быстрее, чем в других местах Руси, где быстрее складывался феодализм, историческое самосознание достигло особенного напряжения.

Однако все это были лишь благоприятные условия для появления первых исторических произведений о прошлом Руси. Родились же эти произведения под влиянием конкретных потребностей русской действительности.

Записи отдельных событий могли появиться на русской почве еще в X в., однако первое историческое сочинение по русской истории появилось только при Ярославе Мудром. Оно было вызвано к жизни борьбой Руси за свою культурную и церковную самостоятельность.

Возникновение первого русского сочинения по родной истории прослежено мною в другой работе,¹ поэтому здесь мне остается только пересказать ее основные выводы.

Принятие христианства Русью поставило ее в особое положение по отношению к Византии. Глава православной церкви — константинопольский патриарх — рассматривался в самой Византии как ближайший помощник византийского императора в делах церкви. Светским же главой церкви полуофициально считался и был им фактически византийский император.

По словам биографа Константина Великого — Евсевия, Константин назвал себя однажды епископом: «Только — вы епископы внутренних дел церкви, а меня можно назвать поставленным от бога епископом дел внешних».²

Основываясь на преданиях о Константине, Вселенский IV собор в Халкидоне провозгласил византийскому императору многолетие как архиерею. Императоры имели право каждения в церкви, благославляли народ, принимали некоторое участие в богослужении, произносили поучения народу как духовные лица и имели звание защитников церкви. Мало этого, за византийскими императорами укрепился титул «святой». Грамоты константинопольских патриархов к русским князьям постоянно называют императоров «святыми».³

Император Михаил VIII Палеолог разгневался на бывшего патриарха Иосифа за то, что тот в своей духовной не назвал его святым: «Около того времени, — пишет Георгий Пахимер, — Иосиф, ожидая скорой смерти, сделал духовное завещание. В завещании нужно было упомянуть и о царе и написать молитву за него. Иосиф действительно упомянул и молился, но не прибавил названия ἅγιος (святой), которое обыкновенно носили цари миропомазанные. Когда завещание в такой форме

¹ Д. Лихачев. Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 35 и сл.

² Русская историческая библиотека, т. VI, СПб., 1880, стр. 4, прилож., стр. 66, 268.

³ Сочинения Евсевия Памфила, русск. перевод, т. I, СПб., 1858, стр. 90.

было прислано, царь, увидев его и выразив негодование, тотчас написал и патриарху, написал и начальнику города, чтобы он спросил и узнал, как это стало, что от царского его титула отнято слово *ἄρχος*.¹

Таким образом, император ромеев занимал особое положение в самой византийской церкви. Распорядительная власть его во внешних делах церкви была иногда даже выше власти константинопольского патриарха. Александрийский патриарх XII в. Вальсамон считает власть императора выше власти патриарха во всех церковных вопросах, «так как содействие самодержцев прощается на просвещение и укрепление как души, так и тела, авторитет же патриархов ограничен исключительно пользою дешёвною (ибо забота патриархов о благосостоянии телесном незначительна)».² При таких условиях византийская идея императорской власти лучше всего мирилась со старой римской теорией, делавшей из императора главу *jures sacrum*, поскольку последнее являлось частью *jures publicum*.

Византийские императоры назывались «владыками вселенной». Так их называли в песнопениях и возгласах, которыми партии Ипподрома приветствовали императоров.

Из всего вышеизложенного понятно, что церковная организация легко могла стать на Руси проводником светского византийского влияния — и политического, и культурного.

Вот почему уже при Ярославе мы наблюдаем в русской политике по отношению к Византии проявления настороженности, а в некоторых случаях и открытой враждебности.

Ярослав Мудрый высоко поднимает престиж русской церкви и делает попытку установить ее самостоятельность. В 1037 г. Ярослав добился учреждения в Киеве особой митрополии константинопольского патриархата и затрачивает огромные государственные средства на строительство центра этой митрополии — храма Софии. Он настаивает на признании святыми княгини Ольги, варягов-христиан (отца и сына), убитых язычниками при Владимире, и своих братьев Бориса и Глеба. Канонизации последних Ярославу удалось добиться и тем самым увенчать ореолом святости и свою собственную княжескую власть, но в канонизации остальных ему было отказано.

Кроме того, Ярослав ставит на митрополию собором русских епископов митрополита Илариона — «русины» (т. е. русского) родом. Тем самым Ярослав пытается сделать русскую церковь независимой от греческой.

¹ Георгия Пахимера история, русск. перевод, кн. I, СПб., 1862, стр. 468.

² П. Соколов. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, стр. 14.

Какой остроты достигли при Ярославе русско-византийские отношения, показывает поход на Византию 1044 г., предпринятый сыном Ярослава — Владимиром.

В обстановке этих напряженных церковно-политических отношений Руси и Византии и родилось первое произведение по русской истории. Им я считаю «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», где были собраны материалы для доказательства равноправности русской церкви греческой в духе идей, изложенных Иларионом в его знаменитом «Слове о законе и благодати».

Это первое историческое произведение было, повидимому, составлено в чисто «деловых», практических целях политики Ярослава. Это было сочинение, вызванное не столько общеполитическим интересом, сколько политическими соображениями. Это был документ, задача которого заключалась в том, чтобы свидетельствовать высокое призвание русской церкви, наличие в ней собственных святынь, собственной религиозной традиции. Оно не было враждебно грекам, относясь к ним с полным уважением, но оно было проникнуто тем же духом соперничества с Византией, каким было проникнуто все бурное строительство времени Ярослава, позволившее Адаму Бременскому назвать Киев «соперником Константинополя».

Впоследствии это первое сочинение по русской истории под влиянием интереса к истории Руси стало пополняться отдельными летописными записями и вставками целых связных исторических повествований и приобрело характер светской истории Руси.

В начале XII в. на основе этого сочинения и разнородных материалов была составлена «Повесть временных лет», замечательною особенностью которой явились крепкая связь, установленная в ней между русской историей и историей мировой в ее тогдашнем, христианском понимании.

Эта связь русской истории с мировой явственно ощущалась уже во времена Ярослава и была проведена уже в первом произведении по русской истории, будучи теперь, в «Повести временных лет», наиболее полно и обстоятельно развернута и обоснована.

Два исторических обстоятельства натолкнули летописца на необходимость связать русскую историю с историей мировой. Прежде всего этому способствовало вхождение Русского государства в тесные отношения с соседними государствами и, прежде всего, с наиболее передовым государством Европы — Византией. Во-вторых, этому способствовало принятие Русью христианства, поднявшее ее значение как равноправного другим

странам государства. Вот почему древнейшая часть «Повести временных лет» уделяет основное внимание походам Руси на Византию и принятию Русью христианства.

Христианская литература дала возможность связать летописцу русскую историю с мировой, она дала летописцу общую схему этой мировой истории, известную по Библии и хронографам. Однако самый замысел ввести русскую историю в историю христианства, и те искусственные приемы, которыми это было сделано, — принадлежат исключительно летописцу. Мы не касались сейчас вопроса о том, был ли этот летописец один или их было несколько. Для нас важны не детали, а самые условия и факторы возникновения киевского летописания.

Но летописание в Киеве возникло не только под влиянием необходимости идеально подкрепить внешнеполитические задачи древнерусского государства — обосновать его равноправие другим государствам Европы. Внутренняя функция государства — «держать эксплуатируемое большинство в узде»¹ сказалась в создании киевского летописания прежде всего. Классовый характер летописания был выражен очень резко.

Изложение внутренней истории Руси было подчинено задаче доказать законность единой и единственной, как хотелось утверждать летописцам, княжеской династии «рюриковичей».

Династия эта была якобы призвана всем народом с единственной целью — установить на Руси порядок: «Реша русь, чюдь, словени, и кривичи, и вси: „Земля наша, велика и обилична, а наряда в ней нет. Да поидете княжит и володети нами“».²

Кроме призванного легендарного Рюрика — летописец слышал по легендам, что были еще Синеус и Трувор, но эти князья, по мысли летописца, были братьями Рюрика, явившимися на Русь вместе с ним, они не оставили по себе потомства; следовательно, единственными «законными» князьями, призванные на Русь всеми племенами, — «рюриковичи».

В Киеве, летописец слышал, сидели до Олега — Аскольд и Дир, но это, рассуждает он, незаконченные князья. Они даже не родственники Рюрика, а всего лишь его бояре: «И бяста у него (у Рюрика, — Д. Л.) 2 мужа, не племени его, но боярина, и та испросистася ко Царюгороду с родом своим».³ По пути в Царьград эти два боярина захватили власть в Киеве, но они погибли, будучи разоблачены Олегом: «И рече Олег Аскольду и Диорви: „Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмъ роду

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, 1939, стр. 604.

² Повесть временных лет, ч. I, стр. 18, под 862 г.

³ Там же.

княжа", и вынесоша Игоря: „А се есть сын Рюриков". И убиша Асколда и Дира...».¹

Сам Олег в древнейших сводах киевского летописания также не князь, а лишь воевода Рюрика. Законный князь лишь Игорь — сын Рюрика. Однако в более позднем киевском своде — в «Повести временных лет» — Олег сделан все же князем. Произошло эта так потому, что составитель «Повести временных лет», Нестор, использовал в своей работе договоры греков и русских, где Олег был засвидетельствован как князь. Он и признал его князем, но одновременно сделал его родственником Рюрика и утвердил его права на княжение завещательным распоряжением самого Рюрика: «Умершю Рюрикови предасть княжение свое Олгови, от рода ему суща, въдав ему сын свой на руце, Игоря, бе бо детеск вельми».² Таким образом, и здесь летописец заботливо восстанавливает права единой княжеской династии.

Утвердить права княжеской династии, хотя бы с помощью фантастической легенды о призвании трех братьев-варягов, освятить княжескую власть Ярослава Мудрого и его потомства прославлением его как брата святых Бориса и Глеба, как распространителя христианского просвещения — таковы ясно определимые тенденции киевского летописания.

Классовое лицо киевского летописания этим отнюдь не ограничивается. Летописцы использовали в своих произведениях некоторые элементы идеологии дружины, монашеской и наряду с этим даже элементы идеологии эксплоатируемого народа, — в частности, ремесленников,³ подчинив эти элементы «чужой» идеологии своим задачам. Однако детали нам не важны. Важны же те общие причины, которые вызвали появление в Киеве летописания, — потребности в нем господствующего класса, в своих классовых целях нуждавшегося в освящении существующей власти, в историческом обосновании блестящего внешнеполитического положения древнерусской раннефеодальной державы, использовавшего для осуществления своих целей подъем исторического самосознания русского народа и его исторический эпос.

Как мы уже видели выше (в главе «Особенности устного народного творчества X—XI вв.»), «Повесть временных лет» широко использовала исторический эпос русского народа в воссоздании прошлого Руси. В последующее время летописи ни-

¹ Там же, стр. 20, под 882 г.

² Там же, стр. 19, под 879 г.

³ Там же, ч. II, стр. 41—49.

когда уже не будут в такой широкой мере пользоваться устным народным творчеством как историческим источником. Влияние народного творчества на развитие летописи будет по большей части скрытым, подспудным, трудно уловимым, идущим порой вопреки воле летописца. Народное творчество будет формировать язык летописи, но не непосредственно, а через устную речь своего времени. Народное творчество будет учить летописца простоте и лаконизму в выражении своих мыслей, последовательности изложения, спокойной уверенности рассказа, всегда точного и хронологически выдержанного, но идеологического воздействия народное творчество на летописца оказывать уже не будет. Летописец редко будет заимствовать у народного творчества отдельные сюжеты, почти не будет упоминать героев народного творчества. Только в XV—XVI вв., в пору образования и укрепления русского централизованного государства, летописание вновь обратится к былевому эпосу.

*

Итак, киевское летописание возникло на основе потребностей господствующего класса раннефеодального Русского государства. В Киеве, как центре Русской земли, осознавалось ее единство, особенно сильно выросло патриотическое и историческое самосознание. Необходимость утверждения внешнего и внутреннего авторитета государства вызвала возникновение первого произведения по русской истории.

Иными были условия возникновения летописания в Новгороде. Характерно, что наиболее древние достоверные погодные записи велись именно в Новгороде.¹

Повидимому, ни в X, ни в начале XI в. в Киеве систематически летописные записи не велись. Их не дошло ни от времени Владимира I Святославича, ни от времени Ярослава Мудрого. Возможно, как мы указали выше, что кое-какие записи были сделаны при брате Владимира — Ярополке Святославиче, но это не более чем гипотеза.

В Новгороде положение иное. Там уже с 1015 г. несомненно начали вестись погодные записи. Первая новгородская запись, сделанная, без сомнения, современником, рассказывает о новгородских событиях, предшествовавших походу Ярослава Мудрого на Святополка: об отказе Ярослава давать «урок» Владимиру Святославичу, о насилиях варягов в Новгороде, о восстании против них на «Паромони дворе», где варяги были перебиты,

¹ А. А. Шахматов. Рассказания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 183 и сл.

о мести Ярослава новгородцам на Ракоме и о походе против Святополка, и т. д. Дальнейшие достоверно новгородские записи кратки и касаются по преимуществу узко новгородских событий; здесь — пожары, обратное движение воды в Волхове, битва с Всеславом на Гзени, ограбление им Софии и т. д. Характерно содержание новгородских записей за XII в.: голод, недород, высокий подъем воды в Волхове, мор на коней, поздно стоящая дождливая погода, ранний гром, городские события не слишком большого значения, события церковной жизни Новгорода, погребение без отпевания двух утонувших попов, небесные знамения, и т. д., и т. п.

Анализ содержания этих записей показывает, что летописцем двигал в первую очередь не исторический интерес, а своеобразное желание зафиксировать все более или менее необычное, с тем чтобы передать последующим поколениям свой житейский опыт. Летописец записывает «прецеденты»; день освящения той или иной церкви надо знать для совершения в ней соответствующих служб; отпевание утонувших попов — своеобразный «канонический случай», поздно стоящая дождливая погода — любопытный «природоведческий случай», может быть важный в хозяйственной жизни, и т. д. Одним словом, летописец в своих записях фиксирует прежде всего свой жизненный опыт. С течением времени эти записи, накапливаясь, получали исторический интерес. Они соединялись в своды и здесь уже становились «историей».

Важно отметить, когда именно происходило это соединение отдельных записей в своды. Один такой случай мы знаем достоверно. После восстания 1136 г., когда Новгород добивается относительной независимости от Киева, когда в Новгороде устанавливаются оригинальные собственные формы правления — строй своеобразной феодальной республики, — тогда-то боярско-купеческое правительство Новгорода берет на себя заботу о составлении нового свода. Этот свод был историей Руси с особым, центральным интересом к истории Новгорода. В начале своем он имел киевское летописание и продолжался сводом новгородских записей.

Классовый характер новгородского летописания определяется не сразу и менее четко, чем классовый характер киевского летописания. Это происходит потому, что официальный характер новгородского летописания все время сталкивается с частной инициативой. Погодные записи велись первоначально по частной инициативе. Эти отдельные записи накапливались за прошлые годы в значительном количестве и соединялись в обширные своды по инициативе правительственных кругов Новгорода. В подборе и соединении отдельных записей главным образом и

отражалась та или иная политическая концепция феодальных верхов.

*

Итак, летописание возникло на Руси в обстановке повышенного интереса к своей истории всего русского народа. Этот повышенный интерес отразился в создании исторического эпоса в X—XI вв., частично использованного в летописании. И исторический эпос, и летописание выросли на основе общего роста исторического самосознания, типичного для X—XI вв. (см. главу «Особенности устного народного творчества X—XI вв.»).

Повидимому, летопись самостоятельно возникла в нескольких русских центрах — в двух, по крайней мере: в Киеве и в Новгороде.

Отсюда ясно, что летопись — самобытный русский вид исторической литературы. Между тем, происхождение русского летописания и самый характер его долгое время было принято объяснять влиянием византийских хроник. Создавая свои летописи, русские якобы подражали византийским хроникам. Вопрос об исторических предпосылках возникновения летописания в самой русской действительности даже и не ставился. Мысль о византийском происхождении русских летописей была тесно связана с тем общим представлением о культуре древней Руси, в особенности ее начального периода, которое господствовало в дворянской и буржуазной науке прошлого столетия. Дворянские и буржуазные ученые выводили всю русскую культуру из Византии — архитектуру, живопись, прикладное искусство, письменность и литературу. Этот взгляд на русскую летопись был выдвинут еще в конце XVIII в. А. Шлецером.

А. Шлецер писал: «Весь временник Нестора сделан на покров византийский»; целые места внесены в его творение «слово в слово» из хроник Кедрина, Скилицы, Кси菲лина, Зонары.¹

Взгляд этот без критического исследования легко вошел в дворянскую и буржуазную науку о русском летописании, поскольку ни анализа летописания как литературного явления, ни анализа исторических предпосылок возникновения летописания в старой науке, в сущности, не производилось.

Зашитники этого взгляда пытались опереться на то обстоятельство, что в «Повести временных лет» помещены отрывки из византийских произведений: из Хроники Амартола и его продолжателя, из «Летописца вкратце» патриарха Никифора, Жития — Василия Нового и других, указываемых при этом иногда неверно (например, ошибочно указывалось, что в «Повести» помещены

¹ А. Шлецер. Нестор, т. I. СПб., 1809, стр. 17, 18 и др.

Фрагменты из Кедрина, Скилицы, Ксифилина, Зонары, которых «Повесть временных лет» на самом деле не использовала).

Однако цитирование византийских хроник не означает подражания им. «Повесть временных лет» пользовалась, в числе прочих, византийскими историческими источниками, но самое изложение в «Повести» по годам осталось глубоко отличным от изложения византийских хроник по царствованиям императоров. Самая концепция русской истории, как мы уже видели, была создана на Руси.

Зависимость русского летописания от византийской хронографии заново пытался аргументировать М. Д. Приселков. В своей книге «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.» (СПб., 1913) М. Д. Приселков высказал предположение, что составление первого летописного свода 1039 г. принадлежало инициативе киевского митрополита-грека Феопемпа, который, «вступив в управление новой митрополии цареградского патриархата, задался целью составить летопись, где изложить возникновение Киевской державы и историю установления своей митрополии» (стр. 82). Эту же мысль высказывает М. Д. Приселков в своей «Истории русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940), но уже с полной определенностью: «Обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе. Несомненно, новому „русскому“ митрополиту, прибывшему в Киев из Византии, и пришлось озабочиться составлением такого рода записки, которая, поскольку дело шло о новой митрополии Империи у народа, имевшего свой политический уклад и только вступившего в военный союз и „игемонию“ Империи, должна была превратиться в краткий исторический очерк исторических судеб этого молодого политического образования» (стр. 26).

Все это предположение М. Д. Приселкова, затем ставшее у него уверенностью, лишено какого бы то ни было конкретного обоснования. Оно вырвало из вопроса, попутно брошенного А. А. Шахматовым еще в 1908 г.: «Мы видели в главе IX, — писал А. А. Шахматов в своих «Разысканиях», — что возвведение новгородского владычества в архиепископию вызвало появление новой, распространенной редакции владычного свода. Мы говорили в главе X о митрополичьих сводах северо-восточной Руси, время от времени возобновлявшихся и дававших направление всему современному им летописанию. Ставим вопрос: не перешла ли к нам в Россию из Греции эта связь епископских и митрополичьих

кафедр с летописным делом? Не следовал ли митрополит Феопемпт освященному на родине своей примеру, когда, сделавшись первым русским митрополитом, побудил кого-либо из своих причетников составить первую русскую летопись?».¹

Так из одного только предположения А. А. Шахматова без всякой аргументации, без приведения каких-либо подтверждающих материалов родилась теория, еще в 1940 г. излагавшаяся как последнее слово науки.

Между тем совершенно ясно, что первая русская летопись по своей форме и по своему содержанию никак не могла быть «запиской», пред назначенной митрополитом-греком Феопемптом для отсылки в канцелярию константинопольской патриархии. Самый выбор языка — русского, а не греческого — находится в вопиющем противоречии с «теорией» М. Д. Приселкова.

С предположениями о византийском происхождении русской летописи спорил акад. Н. К. Никольский. Он писал: «Вопреки установленвшемуся мнению о начале русского летописания, образцами для утраченных „повестей“ о поляно-Руси не могли послужить греческие хроники. Несмотря на присутствие во вводных статьях отрывков (вставок) из греческой письменности, ни по своему содержанию, ни по своей конструктивной форме, ни по подробностям излагаемых эпизодов и основной тенденции, начальная часть нашей летописи не примыкает к памятникам византийской хронографии, среди которой до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей, но и их продолжения».²

Правильно отвергая «византийскую теорию» происхождения русского летописания, Н. К. Никольский заменил ее теорией зависимости историографической схемы начальной русской летописи от предполагаемой им западнославянской хронографии.³ Однако Н. К. Никольский не заметил, что и здесь в западнославянской хронографии, как и в византийской, «до сих пор не открыто ни одного произведения, которое могло бы быть признано литературным прототипом не только для вводных статей, но и их продолжения». Больше того, от западнославянской хронографии этого времени вообще не дошло до нас ни одного памятника...

¹ А. А. Шахматов. Рассказы о древнейших русских летописных сводах, стр. 416—417.

² Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. I. Л., 1930, стр. 45, 46 и сл.

³ Там же, стр. 47 и сл.

Неудивительно, что гипотеза Н. К. Никольского не встретила сочувствия.

Русская летопись приобрела свой типичный облик под влиянием властных требований самой русской жизни. Ее истоки в социально-политической действительности, а не в чужеземных образцах.

*

Возникнув под влиянием властных требований русской действительности, летопись в дальнейшем не оставалась неизменной по своей форме и содержанию. Под влиянием меняющейся действительности менялась и летопись.

Содержание и самая форма летописи менялись в зависимости от того, каким задачам было подчинено летописание. Летописи княжеские, посвященные восхвалению княжеской власти и личности самого князя (галицкая летопись, отчасти ранняя владимирская), выработали особую форму княжеских биографий, иногда соединяемых в единую цепь. Княжеские центры летописания стремились к иллюстрированию летописей миниатюрами (владимирский свод 1212 г., отразившийся своими миниатюрами в Радзивиловской летописи, а впоследствии Лицевой свод XVI в.), но иллюстрирования не допускали летописи городские или монастырские. Потребности отдельных феодальных дворов вызывают появление личных, семейных и родовых княжеских летописцев. Летописание «уличанской» церкви в Новгороде отличается демократизмом языка, стиля, тем. Свои формы дает летописание владимирского Успенского собора (летопись как собрание чудес Богоматери — покровительницы Владимира). Впоследствии свои формы летописания выработает Москва в XVI в. в связи с теми новыми задачами, которые встанут перед нею. Свои формы летописания с торжественным предисловием, восхваляющим князя, вырабатываются в Твери. И т. д.

Таким образом, вопреки установленному мнению, следует признать, что летопись не обладает прочной, неизменяемой формой. Под общим понятием летописи кроются иногда различные явления. Формы летописания текучи и изменчивы, исходят из различных корней. Сама «погодность» изложения далеко не обязательна в летописи. Сильно колеблется и ее стиль: иногда летописец не смущается стилистическим разнобоем, пользуется разнохарактерными стилистическими трафаретами, выработанными в других жанрах средневековой литературы (в житиях, в проповедях, в воинских повестях); иногда же, напротив, летописец стремится установить единство стиля и исправляет все предшествующее изложение летописи целиком (так, например, поступил летописец — составитель владимирского свода 1212 г.). Отсюда

мы должны сделать заключение, что в противоположность многим другим видам средневековой литературы (особенно — близким к церкви: житиям, проповедям и т. д.) летопись — гибко меняла свою форму. Она чутко отражала воздействие действительности, — определялась действительностью в большей мере, чем литературной традицией. В меньшей мере, чем в других жанрах раннефеодальной литературы, в ней сказывалось стремление к застойности форм и содержания, к трафаретным стилистическим приемам.

В характерной для феодализма борьбе богословской «системы» с действительностью, априорных богословских положений с непосредственным опытом, косных, малоподвижных трафаретов феодальной литературы с постоянно меняющимися потребностями читателей — летопись практически по большей части стояла на стороне действительности, опыта читателей. Она была целиком втянута в социальную борьбу своего времени, и именно это обстоятельство благотворно отразилось на ее развитии и позволило ей занять важное место в русской жизни. Именно в этом смысле мы можем говорить о летописи как об одном из ведущих (двигающих вперед) жанров русской литературы раннего и развитого периода феодализма.

*

Особая форма живых и, по-своему, очень реалистических рассказов выработалась в древней Руси в связи с особенностями русского посольского обычая XI—XIII вв.

Самые переговоры, как это можно было показано в другом месте,¹ велись в древней Руси устно. Русские князья исключительно редко пересыпались между собой грамотами. Они посыпали послов не с грамотами, а с «речами». Когда переговаривающиеся стороны взаимно посыпают друг к другу послов, летопись обычно применяет выражение «сослаться речьми». Впоследствии в XVI—XVII вв. такие речи, изустно передававшиеся послами, назывались «наказными речами». Как показывает позднейшая практика, эти «речи» произносились послами вовсе не наизусть. Повидимому, точными и дословными были только некоторые формулировки.

Русский обычай «ссылаться речьми», а не грамотами, был очень устойчивым. Однако это не значит, что весь посольский обычай древней Руси, XI—XIII вв., был устным и не требовал применения письменности. Наоборот, большинство русских послов

¹ Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. Исторические записки, № 18, 1946.

были людьми хорошо грамотными, а некоторые из них и незаурядными писателями, как, например, поп Василий при Мономахе, Петр Борисович — посол Изяслава Мстиславича, Кузьмище Киянин, составивший рассказ об убийстве Андрея Боголюбского, и др. Вернувшись к посылавшему его, посол, обычно, составлял письменный отчет о выполнении им поручения, о всем виденном и слышанном, о событиях, свидетелем которых он был.

Впоследствии эти посольские повести значительно изменили свой характер, и те из них, которые приобрели официальный характер, в известном сочинении XVII в. дьяка Григория Котошихина упомянуты под далеко не точным названием «статейных списков». Под этим неточным названием эти посольские повести и вошли в научную терминологию.

Само собой разумеется, что не все повести-отчеты послов получали какое-то общее значение, выходя за рамки только выполнения послом его поручения. В тех случаях, когда посольская повесть охватывала своим повествованием события, имевшие более или менее общее значение, касавшиеся княжеских клятвонарушений, убийств, положивших начало распре и т. п., такая посольская повесть переписывалась, читалась и даже заносилась в летопись.

Конечно, такие повести получали особенное распространение в тех случаях, когда они предназначались для того, чтобы служить для одних из враждующих князей своего рода обличительными документами против других. Вот почему эти повести приобрели особенную живость и, я бы сказал, «активность» в период феодальной раздробленности Руси. Эти повести предназначались одной из враждующих сторон служить своего рода обвинительными актами против другой. Это были своеобразные документы злодеяний, но документы, составленные в живой манере, подробные, с точно переданными речами действующих лиц. Повести эти должны были убеждать читателя фактами, верностью всей нарисованной картины в целом в виновности одной стороны и в правоте другой. Поэтому они избегают стилистических средневековых трафаретов (хотя и не лишены их), они точны в своих реалиях, убедительны психологически. Они нередко далеки от средневекового схематизма в изложении фактов и стремятся как можно ближе следовать действительности, оставаясь в то же время крайне тенденциозными.

Сообразно цели этих повестей — убедить читателя в верности той или иной версии преступления — составление их обычно поручалось авторитетным свидетелям, часто участникам дипломатических переговоров. Составитель повести, участник дела,

свидетель его, рассказывает о себе, о своем вмешательстве в ход событий, что в других случаях средневекового повествования могло бы показаться грубым и греховным самовосхвалением. С протокольной точностью в повестях этого типа передаются речи действующих лиц, как имеющие особенную документальную ценность.

Как своеобразные дипломатические отчеты, эти повести полны юридической, военной и феодальной терминологии своего времени. Это чисто светская литература, иногда только подвергавшаяся позднейшему оцерковлению.

Замечательною особенностью этих повестей является то, что они возникали из непосредственных потребностей политической борьбы, они стояли необычайно близко к жизни, писались почти тотчас же после событий, которым посвящены, и сами как бы были продолжением той борьбы, которую отражали. Хронология их существования тесно связана с хронологией политических преступлений феодалов времени феодальной раздробленности. Время распространения этого жанра совпадает со временем феодальных распрай. Можно предполагать, что уже первое политическое убийство, которым сопровождалось на Руси начало феодального дробления «империи» Владимира, — убийство Бориса и Глеба, — вызвало появление, произведения, отчасти близкого к этому жанру. Последняя (или одна из последних) повесть о преступлениях князей читается в московском своде 1463 г. под 1425 г.: это повесть об ослеплении Василия Темного Дмитрием Шемякой и Иваном Можайским.

На протяжении всех этих веков жанр повестей о политических преступлениях князей имеет все черты композиционной устойчивости, но особенного развития и особой типичности этот жанр достигает в конце XI—XII вв.

Первым дошедшим до нас произведением, типичным для этого жанра — жанра посольских повестей, посвященных княжеским преступлениям, — является повесть послы Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Повесть эта была включена в «Повесть временных лет» под 1097 г. с целью возвеличения Владимира Мономаха как защитника интересов всей Русской земли и как борца за ее единство против княжеских распрай.

Повесть послы Василия об ослеплении Василька Теребовльского важна для нас и тем, что она живо и конкретно рисует нам самый посольский обычай XI—XII вв., особенности которого породили этот род полуделовых-полулитературных произведений.

В то время, когда ослепленного Василька Теребовльского держали под стражею во Владимире Волынском, там находился

и Василий. В одну ночь, — говорит Василий, — прислал за мной князь Давыд. Я пришел к нему и застал около него сидящую дружину. Князь посадил меня и начал говорить: «Се молвил Василко си ночи к Уланови и Колчи, рекл тако: „Се слышю, оже идет Володимер и Святополк на Давыда; да же бы мене Давыд послушал, да бых послал мужъ свой к Володимеру воротиться, веде бо ся с ним что молвил, и не поидеть. Да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома, и молви ему тако: Оже хощеши послати мужъ свой, и воротится Володимер, то вдам ти которой ти город люб, любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль“». Я пошел к Васильку, — продолжает Василий, — и поведал ему все речи Давыдовы. Он же сказал: «Сего есм не молвил; но надеюсь на бог. Пошлю к Володимеру, да быша не прольяли мене ради крови. Но сему ми дивно, дает ми город свой, а мой Теребовль, моя власть, и ныне и пождавше».¹

Так оно и случилось, — добавляет Василий, — так как вскоре получил он свою волость. Затем, — говорит Василий, — обратился Василько ко мне со словами: «Иди к Давыдови и рци ему: „Пришли ми Кульмея, а ти пошлю к Володимеру“. И не послуша его Давыд, и послал мя пакы река: „Не ту Кульмея“. И рече ми Василко: „Поседи мало“, и повеле слuze своему ити вон, и седе со мною и нача ми глаголати...».²

Из самой повести Василия, выясняется, что он вскоре же, очевидно, составил подробный отчет о тех событиях, участником и свидетелем которых он был.

Эти события охватывали целый период: с осени 1097 г. до 30 августа 1100 г.

Повесть посвящена одному из самых вероломных преступлений в междуусобной борьбе XI—XII вв. Кровавые события грозили сорвать все дело Владимира Мономаха, боровшегося за установление мира между князьями. В 1097 г. Мономах созвал первый княжеский съезд в Любече, на котором князья должны были договориться о своих взаимоотношениях и положить конец усобицам. Съезд признал, что каждый князь должен держаться своей вотчины и не покушаться на чужую. Князья целовали крест, что если кто-нибудь из них поднимется на другого, то все должны встать на зачинщика. Но только закончился съезд, как Давыд Игоревич Владимиро-Волынский и Святополк Изяславич заманили к себе Василька Теребовльского и ослепили его. Встревоженный Мономах был заинтересован в том, чтобы все обстоя-

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 175—176, под 1097 г.

² Там же, стр. 176, под 1097 г.

тельства этого вероломства стали широко известны всем и всеми осуждены.

Автор повести — поп Василий — выполнял дипломатические поручения Мономаха и был причастен к Выдубецкому монастырю Мономаха. События описаны Василием как свидетелем.

Множество бытовых подробностей и реалий делает рассказ Василия одним из самых живых в летописи раннефеодального периода. Подробно и не торопясь повествует Василий, как заманили Василька на именины, как постепенно оставили его одного в комнате, как схватили и схваченного везли затем на телегу в Белгород, где бросили в «истобку малу». Оглядевшись, Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу, Василька схватили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили его «яко персем трискотати». Кончив точить нож, овчарь Святополка подошел и ударил им в глаз Василька, но сначала промахнулся и перерезал ему лицо: «И есть рана та на Василке и ныне».¹ «И посем удари и в око, и изя зеницию, и посем в другое око, и изя другую зеницию».²

Ослепленного, едва живого Василька снова взвалили на телегу и повезли во Владимир Волынский. Трагателен путевой эпизод с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановившись для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье. Попадья, приняв князя за мертвого, оплакивает его.

«Сего не бывало есть в Русьской земьли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла»,³ — сказал ужаснувшийся при известии об ослеплении Василька Владимир Мономах и послал к Давыду и Олегу Святославичам сказать: «Придета к Городцу, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земьли и в нас, в братъи, оже ввержен в ны ножъ. Да аще сего не правим, то большее зло встанет в нас, и начнет брат брата закалати, и погибнуть земля Русская, и врази наши, половци, пришедшее возмутъ землью Русьскую».⁴

Правота Василька и преступление Святополка, нарушившего свою клятву на кресте, подтверждают патетической картиною чуда. Тот самый крест, клятву на котором нарушил Святополк,

¹ Повесть временных лет, ч. I, стр. 173, под 1097 г.

² Там же.

³ Там же, стр. 174, под 1097 г.

⁴ Там же.

обращает на него поражение. Перед боем со Святополком Василько, «възвыси крест», и говорит: «Сего еси целовал, се первое взял еси зрак очю мою, а се ныне хощеши взяти душу мою. Да буди межи нами крест съ».¹ Полки соступились, и вот многие люди увидели над полками Василька тот самый крест, на котором была дана нарушенная клятва. Клятвопреступник Святополк был побежден.

Тот же характер носили и другие повести этого жанра. Все они отличались детальностью описаний, точной передачей всего сказанного, до известной степени «натурализмом», вызывавшимся стремлением точно передать все подробности преступления.

Повести эти были лишены, однако, широкого литературного обобщения. Они говорили о единичных фактах и предназначались как обличение противников в конкретной феодальной борьбе. Однако обличения этих повестей, самым тесным образом связанные с конкретными лицами и приуроченные к определенным событиям, с течением времени теряли свою «злободневность», переосмысливались, обобщались и воспринимались как обличения княжеских усбийц в целом. Частные обвинения против тех или иных князей выростали в обобщающие картины феодальных неурядиц. Примеры этого недалеки: поп Василий составлял свою повесть об ослеплении Василька Теребовльского не для обличения княжеских преступлений вообще, а только одного — того, которое было совершено Давыдом и Святополком. Но уже Сильвестр, включая ее в свою переработку «Повести временных лет», видел в ней более обобщенную картину: он усматривал в ней лишь одну из тех княжеских усбийц, с которыми боролся Мономах. Спустя три столетия составитель повести о нашествии Эдигея (1409 г.) видел в ней вообще обличения княжеских усбийц и приводил Сильвестра как образец летописца, умевшего без лести, «не украшая», говорить правду о княжеских усбийцах.²

Так само время доделывало то, чего недоставало повествованию. Отрываясь от слишком конкретных деталей, понятных только современникам, повествование переосмыслилось, воспринималось как обобщенная картина феодальных раздоров.

Конечно, доделывало литературную сторону этих повестей не время. Мы только условно так выразились. Доделывали люди. Здесь, как и во многих других случаях, приведенных нами в предшествующих главах, мы отчетливо видим, что лите-

¹ Там же, стр. 178, под 1097 г.

² Повесть 1409 г. Симеоновская летопись под 1409 г.

ратурное творчество коллективно, что литература создается не только писателями, а коллективными усилиями всего общества, ставящего новые задачи литературным произведениям и по-новому понимающего старые.

*

Если посольские повести о княжеских преступлениях служили целям борьбы между князьями, то другой жанр исторических повестей, которые мы условно можем назвать «княжескими жизнеописаниями», служил целям борьбы князей со своими внутриклассовыми противниками — главным образом боярством. Этот жанр «княжеских жизнеописаний» также возник совершенно самостоятельно на русской почве, на почве русской действительности, из ее потребностей.

Этому жанру «княжеских жизнеописаний» я также посвятил особую главу в другой работе.¹ Сейчас повторю лишь то, что представляется необходимым для полноты картины возникновения новых самостоятельных видов литературных произведений на русской почве.

Впервые особый вид княжеских жизнеописаний был установлен Л. В. Черепнином. В составе Ипатьевской летописи за XIII в. Л. В. Черепнин искусно выделил особое повествование о Данииле Романовиче Галицком,² назвав его «Летописцем Даниила Галицкого», хотя «летописец» этот не имел погодной сети³ и поэтому не мог быть, собственно, назван летописцем, представляя собой, по существу, связную биографию Даниила.⁴

Это жизнеописание Даниила целиком посвящено прославлению его самого и его дела. Оно начинается с общего прославления могущества отца Даниила — Романа Мстиславича. Сам Даниил был «дерз и храбор, от главы и до ногу его не бе на немъ порока».⁵ Даниил «спешаше и тоснящеся на войну», стремился углубиться в землю врага и обогатиться полоном и добычей. Его деяния сравниваются с действиями Святослава Храброго и Владимира Святого.⁶ Даниил был первым русским князем, повоевавшим «Землю чешскую»; никто, кроме Владимира Святого, не

¹ Русские летописи. М.—Л., 1947, стр. 247—267.

² Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. Исторические записки, № 12, М., 1941.

³ М. Грушевский. Хронологія подій Галицько-волинської літописи. Записки Науков. товар. ім. Шевченко, т. XLI, кн. III, Львів, 1901.

⁴ Дальнейшие наблюдения над летописанием галицким и волынским см.: В. Т. Пашута. Очерки по истории галицко-волынской Руси. М., 1950.

⁵ Ипатьевская летопись под 1254 г.

⁶ Там же.

входил «толь глубоко» в Польскую землю. Он «измлада» не давал себе покоя в борьбе с внешними врагами Руси — поляками, венграми, чехами, литовцами, ятвягами. Его войско одним своим видом вызывало удивление иноземцев.¹ Описание войска, «соколов-стрельцов», блестящего оружия русских не раз встречается в жизнеописании Даниила.² В таких необычно приподнятых красках описывает автор галицкую пехоту с едущим впереди нее Даниилом.

Автор жизнеописания подробно следит за деятельностью своего князя, дает развернутые картины его строительства, всюду подчеркивает любовь к нему населения. Жители Галича устремляются к Даниилу «яко дети ко отчю (отцу), яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику», они называют его «держатель нашъ, богом даный».³

Подробно приводит автор воинские речи Даниила, полные высокого рыцарского представления о чести воина и чести родины, многие из которых представляют собою прекрасные образцы ораторского искусства. Автор следит за ратными подвигами Даниила, описывает его личное участие в боевых схватках. Не раз обнажает меч Даниил, не раз ломает свое копье, не раз оказывается он на волосок от смерти. В сражении на Калке Даниил в пылу битвы «не чуял» на себе ран, и только вода, которую он выпил, заставила его почувствовать их боль. Другой раз конь вынес его из смертельной опасности, конец вражеского меча успел отхватить кусок шерсти на «стегне» у его коня.

Особое внимание уделяет автор борьбе Даниила с боярами. В этом — идеиний смысл всего повествования. Он находит живые краски для того, чтобы сатирически изобразить их. У льстивого боярина Семьюна лицо было красное, как у лисицы;⁴ боярин Доброслав, когда ехал на коне, то в гордости не смогрел на землю; малодушные изменники бояре, которые вынуждены были сдать Галич Даниилу, выходят к нему со слезами на глазах, с осклабленными лицами, облизывая губы, и т. д.⁵

Кроме жизнеописания Даниила, повидимому, существовало светское жизнеописание Александра Невского, затем переработанное в житие.⁶ В Лаврентьевской летописи сохранились элементы светского жизнеописания Андрея Боголюбского, начатого

¹ Там же под 1252 г.

² Там же под 1251 г.

³ Там же под 1235 г.

⁴ Там же под 1229 г.

⁵ Там же под 1235 г.

⁶ Н. Серебрянский. Древне-русские княжеские жития. М., 1915, стр. 200 и сл.

еще при его жизни. В Ипатьевской летописи за XII в. не раз обращали на себя внимание части, которые, повидимому, восходили к какому-то жизнеописанию Изяслава Мстиславича.¹

*

Из всего вышеприведенного становится ясной одна очень важная особенность русской литературы древнейшего периода. Каждый новый вид литературных произведений несет определенную «деловую» функцию в жизни. Жанры церковной литературы — жития разных видов, проповеди разных видов, гимнографические сочинения и пр. — выполняли строго определенные функции в церковном ритуале. Вполне светские сочинения были теснейшим образом связаны с политическим бытом своего времени.

Летописи, «Поучение» Владимира Мономаха, повести о княжеских преступлениях — все это «деловые» сочинения, рассчитанные на определенного читателя, преследующие строго определенные политические цели в конкретных условиях политической борьбы своего времени. «Поучение» Мономаха — это его «духовная», политическое завещание. Повесть Василия об ослеплении Василька Теребовльского или повесть Петра Бориславича о клятвопреступлении Владимирки Галицкого рассчитаны были служить своего рода обвинительными документами для одних и оправдательными для других. Летописи княжеские, семейные были «деловыми» записями прежде всего, — записями конкретно необходимыми в конкретной княжеской борьбе XII—XIII вв.

Литературные задачи во всех этих произведениях соединялись с задачами «деловыми».

¹ История русской литературы, т. I. Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 311.